РОССІЙСКАЯ СОЦ.-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

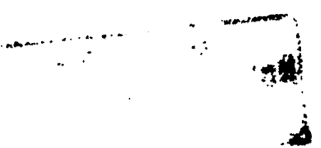
ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВЪ КАЗАРМѢ

ИЗЪ НАБЛЮДЕНІЙ СОЦ.-ДЕМОКРАТА.

Изданіе „ИСКРЫ".

ТИПОГРАФІЯ „ИСКРЫ". — АПРѢЛЬ 1903 Г.



224963

ВЪ КАЗАРМѢ.

(ИЗЪ НАБЛЮДЕНІЙ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТА).

Отъ редакціи. Предлагаемыя замѣтки писаны однимъ товарищемъ, прослужившимъ въ казармѣ весь полагавшійся ему срокъ службы. Мы издаемъ ихъ безъ всякихъ измѣненій, надѣясь, что онѣ дадутъ матеріалъ для агитаціи и полезныя практическія указанія тѣмъ группамъ, которыя посвящаютъ свои силы частью или всецѣло революціонной работѣ въ арміи.

Въ началѣ каждаго года воинскіе начальники получаютъ указанія о распредѣленіи новобранцевъ ближайшаго призыва. Это распредѣленіе составляется такимъ образомъ, что солдатъ по общему правилу не остается на службѣ въ своей губерніи и тѣмъ болѣе въ той мѣстности, откуда онъ родомъ. Уроженцевъ сѣвера посылаютъ отбывать повинность въ Ташкентъ, изъ Западнаго края — на югъ или въ Сибирь, изъ центральныхъ губерній на окраины и т. д. Этимъ достигается двойная цѣль. Оторванный отъ привычныхъ условій, безъ родныхъ и знакомыхъ въ чужой сторонѣ, юноша скорѣе свыкается съ казарменнымъ режимомъ и легче поддается муштровкѣ, убивающей всѣ привычки свободнаго человѣка, скорѣе обезличивается, утрачивая послѣднія крохи чувства личнаго достоинства и независимости въ дѣйствіяхъ и образѣ мыслей, скоро превращаясь въ слѣпой механизмъ, въ послушнаго автомата, управляемаго прекрасно организованнымъ для этой цѣли штабомъ царскихъ опричниковъ — офицеровъ. Не связанный никакими нитями съ окружающей жизнью вольныхъ людей, не понимая ея, совершенно ей чуждый, онъ рѣдко задумывается о ней; занятый исключительно впечатлѣніями изолированнаго казарменнаго существованія, онъ безъ заботно идетъ на внутренняго врага и, не разсуждая, стрѣляетъ по первому приказу начальства. Тогда какъ въ родныхъ мѣстахъ онъ въ случаѣ народнаго возмущенія безъ труда понялъ бы его истинныя причины и не такъ легко повѣрилъ бы подбадривающимъ розсказнямъ начальства о томъ, что это бунтуютъ негодяи, которыхъ надо бить. Замѣчу кстати, что систематическое обманываніе солдатъ на счетъ истиннаго характера русской общественно-политической жизни и роли арміи въ этой жизни, извращенное толкованіе взаимныхъ отношеній правительства и народа, какъ и всѣхъ событій, имѣющихъ общій интересъ, обманываніе это занимаетъ видное мѣсто въ общемъ строѣ солдатскаго обученія. Оно лежитъ въ основѣ ознакомленія съ уставами и военными законами, оно проникаетъ всю спеціально для солдатъ издающуюся литературу, журналы и книги, оно всегда настойчиво проявляется въ бесѣдахъ ближайшихъ начальниковъ съ людьми своей части и въ напыщенныхъ и торжественныхъ рѣчахъ и приказахъ главныхъ командировъ. Нѣтъ болѣе ошибочнаго мнѣнія, какъ то, что армія

чужда политики. Политическое воспитаніе въ духѣ преданности самодержавію и охраны всего существующаго порядка — одна изъ главныхъ задачъ корпуса офицеровъ. Объ отечествѣ, о народѣ солдатъ ничего не слышитъ, но онъ слышитъ, что законы — воля государя, что царь — верховный начальникъ арміи, что главная обязанность солдата — исполнять приказанія, а если противъ царя, то не исполнять. Охраняя обмундированнаго деревенскаго парня, — вѣдь крестьяне составляютъ ядро нашей арміи, — отъ нежелательнаго для нихъ вліянія вольныхъ людей, офицеры держатъ его взаперти, какъ арестанта, рѣдко выпуская изъ казармы, желѣзной уздой дисциплины подавляя всякое проявленіе неудовольствія, но вмѣстѣ съ тѣмъ внушая ему, что военная служба почетна, что солдатъ служитъ царю, что царь тоже солдатъ. Растлѣвающее вліяніе этого рода сказывается, между прочимъ, въ томъ, что поступить въ жандармы или городовые становится идеаломъ почти для каждаго унтеръ-офицера или сколько нибудь грамотнаго рядового, такъ что самодержавіе успѣшно подготовляетъ себѣ въ казармѣ тѣхъ низшихъ агентовъ, физической силой и моральной одеревенѣлостью которыхъ оно пользуется для подавленія народнаго негодованія. „Куда это насъ гонятъ?“ спрашиваетъ у меня солдатикъ, когда однажды наша рота собралась въ походъ на внутренняго врага, и услыхавъ, что усмирять крестьянъ, бунтующихъ изъ за земли, пренебрежительно и самоувѣренно воскликнулъ по адресу своихъ земляковъ: „ахъ, сволочь!“ Вотъ до какого отупѣнія доводитъ человѣка казарма.

Партіи новобранцевъ отправляются на службу въ тѣ полки и баталіоны, куда они назначены, подъ командой особо командируемыхъ унтеръ-офицеровъ. Для унтера командировка по сопровожденію новобранцевъ — любимая мечта жизни, сулящая великія и богатыя милости отъ безнаказанныхъ кражъ, вымогательства и обильныхъ угощеній водкой на счетъ новобранцевъ. Непривычная суровость обращенія, инстинктивный страхъ передъ незнакомой еще, но ужасающей дисциплиной, сознаніе какой то огромной, тяжелой и удушливой силы, въ полную власть которой приходится отдаваться теперь, повидимому, добровольно, непривычка къ неряшливой, полной мелкихъ и чувствительныхъ лишеній солдатской жизни, желаніе удержать хотя не на долго свой уровень потребностей и удовлетворять ихъ, пока можно, пить чай съ сахаромъ, ѣсть до сыта и т. п., въ чемъ на первыхъ же шагахъ приходится сокращаться, все это заставляетъ подносить дядькѣ добровольные подарки, давать ему денегъ, угощать водкой, чтобы задобрить его, купить его расположеніе, избавиться отъ зуботычинъ и незаслуженной грубой ругани, сохранить относительную долю независимости. Вымогательства особенно безцеремонны, если партіи приходится слѣдовать „обыкновеннымъ“, т. е. пѣшимъ порядкомъ. Но и не лучше бываетъ въ вагонѣ. Скученные, какъ сельди въ бочкѣ, задыхаясь отъ жара раскаленной до красна печи, угорѣлые отъ вина, тоски и неволи, кричатъ они дикія нестройныя пѣсни, чтобы заглушить рыданія оскорбленной души, позабыться въ чаду показного веселья, а громыхающій поѣздъ мчится мимо знакомыхъ полей, деревень, городовъ, заглушая своимъ шумомъ и лязгомъ стоны матерей и покинутыхъ женъ, унося все дальше, все ближе къ мрачному царству желѣза и крови, гдѣ обречены они провести лучшіе годы молодости, въ своеобразный міръ, живущій недоступной и непонятной для постороннихъ жизнью, полной холода и мрака, — въ казарму. Болѣзненно и долго звучитъ въ душѣ каждаго изъ нихъ послѣднее прости! родныхъ и близкихъ.

* * *

Командиръ полка назначилъ мнѣ роту и отпустилъ съ короткимъ напутствіемъ, смыслъ котораго былъ тотъ, что я отнынѣ долженъ забыть все, что зналъ, и ничѣмъ не обнаруживать передъ солдатами своего образа мыслей, тогда и надзоръ за мной будетъ неощутителенъ, въ противномъ же случаѣ со мной будетъ поступлено по всей строгости закона. Я сказалъ: „слушаю, в. в. бл.“, и кругомъ маршъ вышелъ изъ кабинета. Вѣстовой отвелъ меня изъ канцеляріи въ роту. Фельдфебель послѣ короткаго опроса сдалъ меня взводному, который указалъ мнѣ койку въ своемъ взводѣ. Было время вечернихъ занятій, шелъ урокъ „словесности“ и я, нѣсколько смущаясь въ непривычной обстановкѣ подъ испытующими взглядами унтеровъ, сидѣлъ на койкѣ въ своей еще „вольной“ одеждѣ и осматривался. Взводный, низенькій, коренастый, съ рябоватымъ лицомъ и простодушными голубыми глазами подсѣлъ ко мнѣ и мягкимъ негромкимъ голосомъ на „вы“ разспрашивалъ меня, кто я, откуда и чѣмъ занимался. „Какъ же онъ бьетъ ихъ, вѣдь уставомъ это запрещено“, перебилъ я разсказъ, указывая ему на возмутительную сцену: учитель съ размаху ударилъ по носу рекрута, не умѣвшаго толкомъ объяснить, что такое дисциплина; парень стоялъ красный отъ волненія и, не моргая пристальнымъ, тупымъ взглядомъ, уставился на учителя. „Да какъ же ихъ не бить, — спокойно разъяснялъ мнѣ взводный, — терпѣнья нѣтъ! который понимаетъ, того не бьютъ, а ежели кто не понимаетъ, какъ же того не бить, начальство взыскиваетъ; изъ рекрутовъ такіе бываютъ, что ты съ нимъ что хошь... онъ придетъ изъ деревни, чего онъ видѣлъ; я спрашиваю одного намедни — ногтица грязныя! это, говорю, у тебя что? когти, говоритъ; какъ же эдакаго не бить?“ Больше всего удивляло меня, что младшій офицеръ, расхаживавшій тутъ же по ротѣ, не обращалъ никакого вниманія на раздававшіяся кругомъ оплеухи и вообще велъ себя такъ, какъ будто былъ одинъ въ своей комнатѣ, ничего не видѣлъ и не слышалъ. Первое время пребыванія въ казармѣ, когда еще свѣжи впечатлѣнія свободной жизни, особенно остро чувствуется оскорбительный для личнаго достоинства режимъ дисциплины, власть начальства, по отношенію къ которому у солдата фактически нѣтъ никакихъ правъ, а есть только одна обязанность — повиноваться, и всякое уклоненіе отъ нея, такъ-наз. неисполненіе приказанія, жестоко преслѣдуется. Но мало по малу свыкаешься со всѣмъ, и на то, что ранѣе казалось нестерпимымъ, смотришь, какъ на обыкновенное и неизбѣжное. Первые дни ко всему присматриваешься, вмѣшиваешься, волнуешься. Въ первый же вечеръ у меня едва не вышла исторія. Часовъ въ десять, когда уже легли спать, группа унтеровъ расположилась у столика возлѣ моей койки и распивала водку изъ чайника, — предусмотрительность на случай прихода начальства. Но водки оказалось мало, и намѣренно громкимъ голосомъ унтера высказывали соображенія, откуда достать денегъ. „Шматовъ, догадайся!“ откровенно обратился одинъ изъ нихъ къ уже засыпавшему солдату. „Ей Богу, нѣту, г. взводный“. „Одѣвайся въ ночное, живо!“, прибавляя крѣпкую ругань, закричалъ взводный. Солдатъ просилъ не взыскать, увѣрялъ, что денегъ нѣтъ, что онъ смѣнился въ этотъ день съ караула и ночнымъ быть не обязанъ, что будетъ жаловаться и чуть не плакалъ, но всталъ и началъ одѣваться. Я вмѣшался. „Шматовъ, заяви завтра жалобу ротному командиру и сошлись на меня, вымогательство запрещено уставомъ“. Мои слова вызвали цѣлую бурю; пришелъ самъ фельдфебель, кричалъ, ругался, грозилъ мнѣ дисциплинарнымъ батальономъ и приказалъ поставить меня на другой день подъ ружье за разговоры. Въ пререканіи съ ун-

теромъ и фельдфебелемъ я заявилъ, между прочимъ, что бить себя не позволю и всякаго, кто посмѣетъ меня ударить, заколю штыкомъ, хотя бы то былъ полковой командиръ. Разговоръ этотъ имѣлъ для меня тотъ хорошій результатъ, что навсегда гарантировалъ меня отъ оскорбленій. Уставъ дѣйствительно запрещаетъ бить солдата, и свирѣпое самоуправство въ арміи, не находящее себѣ отпора, стоитъ въ прямой связи съ общимъ строемъ русской жизни, ничѣмъ не защищающимъ личное достоинство человѣка отъ посягательствъ имущихъ. Ядро арміи составляютъ крестьяне, а они и у себя дома до службы подвергаются всякимъ униженіямъ — и со стороны полиціи, и чиновниковъ, и своихъ сельскихъ властей, и попа, и помѣщика, и богатаго мужика, и всякаго барина, не упускающаго случая доказать на ихъ безотвѣтности, забитости и невѣжествѣ благородство своего происхожденія. Одѣтые въ солдатскій мундиръ, крестьяне меньше всего думаютъ о законности дѣйствій начальства, о защитѣ своихъ правъ. Но тѣ, кто думаетъ объ этомъ, бить себя не позволитъ. Нашъ фельдфебель, сверхурочно служащій, алчный и жестокій, любимецъ командира полка, былъ неистощимъ въ пріемахъ вымогательства, особенно съ новобранцами. Часовъ въ 11 вечера, когда, усталые отъ занятій и работъ, они улягутся, наконецъ, по своимъ койкамъ, съ головой завернувшись въ одѣяла, чтобы хотя во снѣ уйти отъ мрачныхъ впечатлѣній казармы, фельдфебель Онищенко, неизмѣнно хмѣльный въ это позднее время, обходилъ казарму съ солдатскимъ пояснымъ ремнемъ въ рукѣ. „Кто у насъ военный министръ?“ спрашивалъ онъ новобранца, вытягивая его ремнемъ съ тяжелой желѣзной бляхой на концѣ, и горе тому, кто отвѣчалъ не сразу или не впопадъ! Подавленныя всхлипыванія несчастныхъ долго не давали заснуть въ эти ночи. Онищенко продѣлывалъ свою экзекуцію только надъ тѣми, кто не давалъ ему положенной мады, т. е., по крайней мѣрѣ, рубля при поступленіи въ роту. Но однажды ему не посчастливилось. Новобранецъ Д., почувствовавъ удары, выхватилъ спрятанный подъ подушкой штыкъ и съ крикомъ: „а вотъ я тебѣ покажу, кто у насъ министръ“, бросился на него и минутъ десять преслѣдовалъ его кругомъ коекъ, пока не былъ обезоруженъ. Этотъ случай прошелъ незамѣченнымъ, Онищенко доложить о немъ не рѣшался, но обходы свои съ этого времени прекратилъ. Съ Д. былъ и еще случай. Учитель, недовольный исполненіемъ гимнастическаго пріема, прошелъ по фронту своихъ солдатъ, награждая увѣсистой пощечиной каждаго. При слѣдующей командѣ Д. выступилъ впередъ и сталъ въ выжидающей позѣ. „Ты что это?“ — „А вотъ я подожду, не ударитъ-ли меня еще кто-нибудь“. И Дубкова больше не трогали. Но кто все терпитъ, того бьютъ нешадно и офицеры, и унтеръ-офицеры, особенно послѣдніе. Институтъ унтеръ-офицеровъ очень важенъ для обученія арміи, поддержанія въ ней дисциплины и духа безпрекословной покорности. Унтеръ-офицеромъ можетъ быть всякій солдатъ, прошедшій курсъ учебной команды, гдѣ въ теченіе семи зимнихъ мѣсяцевъ обучаютъ письму, чтенію, ариѳметикѣ, Зак. Божію, строю, уставамъ и обращенію съ винтовкой. Унтеръ-офицеры командуютъ отдѣленіями и взводами. Уровнемъ своего развитія, образованностью и своимъ служебнымъ положеніемъ они мало выдѣляются отъ обыкновенныхъ солдатъ, изъ рядовъ которыхъ они вышли. Какъ нижніе чины, они раздѣляютъ со своими подчиненными тягости службы, суровость дисциплины и безпрекословность передъ произволомъ офицеровъ. Они часто покрываютъ мелкіе проступки своихъ солдатъ, бываютъ снисходительны по службѣ, потому что это совпадаетъ иногда съ ихъ собственными

интересами. Но, пользуясь своей властью въ полномъ объемѣ, они могутъ при желаніи сдѣлать положеніе своихъ солдатъ невыносимымъ мелочными придирками и мучительными требованіями на законномъ основаніи. Денежное жалованье они получаютъ нѣсколько большее, чѣмъ рядовые. Младшій унтеръ-офицеръ получаетъ 67 коп. въ два мѣсяца, старшій три рубля, рядовой 45 коп. Но одно маленькое слово создаетъ тѣмъ не менѣе огромное различіе въ положеніи, — слово: начальникъ. Какъ начальники, они освобождены отъ работъ, служба ихъ значительно легче, а, главное, они представляютъ уже власть, которой всѣ остальные обязаны послушаніемъ и уваженіемъ. Унтеръ-офицеры вносятъ въ армію ту рознь, которая раскалываетъ однородную массу солдатъ на начальниковъ и подчиненныхъ и мѣшаетъ этой массѣ противупоставлять себя корпусу офицеровъ, какъ единственнымъ представителямъ власти; проводники ея, унтеръ-офицеры, являются, такимъ образомъ, живымъ воплощеніемъ принципа начальства divide et impera;*) они заинтересованы въ сохраненіи своей доли власти, которая легко можетъ быть у нихъ отнята по любому поводу, дорожатъ ею и стараются извлекать изъ нея всю возможную выгоду. Съ другой стороны, офицеры, заинтересованные въ томъ, чтобы армія была проникнута духомъ безпрекословной покорности, смотрятъ сквозь пальцы на самоуправство и жестокость унтеровъ, чтобы въ ссылкѣ на дисциплину имѣть оправданіе своимъ собственнымъ жестокостямъ. Этимъ объясняется непонятный для посторонняго наблюдателя фактъ, что солдатамъ едва-ли не больше приходится терпѣть отъ своего же брата, унтера, чѣмъ отъ офицера.

Молодые солдаты помѣщаются обыкновенно отдѣльно отъ старослужащихъ и первые четыре мѣсяца состоятъ въ вѣдѣніи своихъ учителей. По установившемуся въ казармѣ обычаю они исполняютъ всѣ работы по хозяйству и уборкѣ, и это на ряду съ усиленными занятіями дѣйствуетъ крайне изнуряющимъ образомъ. Свободнаго времени для нихъ не существуетъ. Ихъ будятъ очень рано, часа въ три-четыре, посылаютъ на кухню или убирать дворъ. Однажды я слышалъ, какъ двое изъ нихъ заявили, что напьются сначала чаю, а потомъ пойдутъ на работу, но нѣсколько увѣдистыхъ плюхъ дежурнаго ихъ сейчасъ же вразумили. Обыкновено имъ не приходится ѣсть до самаго обѣда. Порядокъ дня въ казармѣ таковъ: люди встаютъ въ шесть часовъ утра, чистятъ сапоги и амуницію, отдѣленные и взводные производятъ утренній осмотръ, потомъ пьютъ чай, кто успѣетъ, и выходятъ на прогулку. Утренняя прогулка была бы очень гигіенична и здорова, если бы унтеръ-офицеры не дѣлали ее вредной и утомительной, но они превращаютъ ее въ ученье съ маршировкой, построеніями и усиленнымъ бѣгомъ. Бѣгомъ они особенно любятъ пользоваться, чтобы показать свою власть, а иногда, какъ мѣрой наказанія и поощренія къ службѣ. Людей гонятъ до того, что отъ шинелей валитъ паръ въ морозномъ утреннемъ воздухѣ. Съ 8 часовъ начинается ученье въ ротѣ, гимнастика ручная и машинная, ружейные пріемы и строевыя занятія. Въ это время приходятъ офицеры: ротный и одинъ или два полуротныхъ. Фактически слѣдитъ за ходомъ занятій одинъ ротный, отвѣтственный за состояніе своей роты. Но такъ какъ въ системѣ современнаго обученія солдата стрѣльба занимаетъ главное мѣсто, то онъ и занимается почти исключительно повѣркой прицѣливанія и т. п. Младшіе же офицеры вовсе ничѣмъ не занимаются, и весь трудъ обученія молодыхъ

*) „Раздѣляй и властвуй".

солдатъ лежитъ почти исключительно на невѣжественныхъ унтеръ-офицерахъ, слишкомъ формально понимающихъ требованія уставовъ, составленныхъ въ общемъ чрезвычайно цѣлесообразно. Унтеръ-офицеры, часто преслѣдуя цѣли, не имѣющія ничего общаго съ задачами военнаго обученія, отнимаютъ у гимнастики ея полезный характеръ и превращаютъ ее въ истязаніе. Приходилось наблюдать такія сцены. Люди держатъ въ каждой рукѣ по винтовкѣ, исполняя пріемъ разведенія и сведенія рукъ, винтовка вѣситъ десять и три четверти фунта и послѣ 5 7 разъ разведенія руки начинаютъ у нѣкоторыхъ колебаться; учитель ободряетъ слабѣющаго бранью, а если это не помогаетъ, заставляетъ продѣлывать пріемъ его одного, когда другіе отдыхаютъ, пока руки несчастнаго не онѣмѣютъ окончательно, но сверхъ того онъ еще получаетъ какую нибудь работу не въ очередь на вечеръ. Любимый методъ истязанія съ цѣлью получить полтинникъ на водку — это непредусмотрѣнные никакимъ уставомъ, такъ называемые сорочьи прыжки или „лѣше по конному“. Люди, низко присѣвъ и обнимая другъ друга за талію, образуютъ живую прыгающую цѣпь; кто скорѣе устаетъ и падаетъ, на того сыплются удары; кто вошелъ въ сдѣлку съ унтеромъ, того на прыжки не ставятъ. При прыганьи черезъ барьеръ учитель становится возлѣ съ ремнемъ въ рукѣ и награждаетъ ударомъ за каждый неловкій прыжокъ. Во все время ученья щедро раздаются оплеухи, не смолкаетъ циничная ругань, въ глазахъ нѣкоторыхъ блестятъ сдержанныя слезы. Остервенѣніе одного учителя дошло однажды до того, что онъ сбилъ солдата съ ногъ и продолжалъ колотить его каблуками, приговаривая: „жалуйся!... все равно убью!“ а присутствовавшій тутъ офицеръ равнодушно отвернулся къ окну, чтобы не быть свидѣтелемъ этой неловкой сцены; солдата унесли на койку. Такое воспитаніе отражается на молодыхъ убійственнымъ образомъ, процентъ заболѣваемости среди нихъ много выше, чѣмъ среди старослужащихъ, случаи самоубійства нерѣдки. Интересно, что эти самоубійства падаютъ исключительно на начало зимы, къ лѣту люди уже свыкаются съ режимомъ. Почти одновременно со мной поступилъ въ роту еврей Гринбергъ, онъ былъ изъ зажиточной семьи, но неповоротливый, лѣнивый и недалекій. Несмотря на щедрыя подачки фельдфебелю и унтерамъ, начальство относилось къ нему съ крайнимъ пренебреженіемъ и враждебностью; казалось, его уступчивость подзадоривала къ новымъ вымогательствамъ. Однажды по разсѣянности онъ не отдалъ чести ротному командиру; фельдфебель въ наказаніе заставилъ его всю ночь отдавать честь передъ каминомъ, поручивъ дежурному по ротѣ наблюдать за исполненіемъ приказанія. Подъ утро, когда всѣ еще спали, раздался выстрѣлъ: Гринбергъ лежалъ возлѣ камина съ прострѣленной грудью. Солдатъ очень тронуло то, что онъ не заявилъ никакой жалобы дежурному по полку офицеру и только бредилъ матерью и родными. Черезъ полчаса онъ умеръ. Результатомъ слѣдствія было то, что фельдфебель Онищенко (сверхсрочный) былъ уволенъ въ запасъ арміи.

Къ 12 часамъ утреннія занятія кончаются и люди идутъ на обѣдъ. Солдатскій обѣдъ, довольно вкусный и сытный, состоитъ неизмѣнно изъ щей или супа и каши съ саломъ. На каждаго отпускается полъ-фунта мяса, 32 золотника крупъ и три фунта хлѣба ежедневно, съ такимъ разсчетомъ, чтобы стоимость продовольствія не превышала четырехъ съ четвертью копѣекъ на человѣка. Въ столовой люди усаживаются за длинные деревянные столы безъ скатерти, безъ всякихъ приборовъ; ложку, хлѣбъ и, у кого есть, складной ножъ каждый приноситъ съ собой изъ роты. Непріятная особенность обѣда та, что его приготов-

леніе, какъ и сервировка стола, поразительно нечистоплотны. Каждые пять или десять человѣкъ образуютъ особую группу и ѣдятъ изъ одного бака. Одинъ изъ нихъ приноситъ къ столу щи, другой кашу, а третій получаетъ отъ повара на всѣхъ мясо, и за отсутствіемъ тарелокъ раскладываетъ куски его по карманамъ шароваръ, а часть несетъ въ рукахъ; изъ кармановъ мясо извлекается на столъ, безъ помощи вилокъ крошится на мелкіе куски и кладется въ бакъ; сначала ѣдятъ бульонъ и только по командѣ старшаго принимаются „таскать“ мясо. Это мясо вынимается изъ котла поваромъ въ присутствіи дежурнаго унтеръ-офицера, разрѣзывается на куски вѣсомъ отъ 22-24 золотника и каждая порція для удобства при раздачѣ надѣвается на деревянную палочку. Оставшіяся кости поступаютъ въ распоряженіе дежурнаго, отъ котораго и зовутъ въ ротѣ костеглодами. Каша приготовляется такъ же неопрятно, крупа обыкновенно не моется, поэтому, въ кашу попадаетъ солома и всякая дрянь, отъ которой болятъ десны. Хлѣбъ выдается ржаной, изъ несѣяной муки, чаще всего плохо пропеченный въ интересахъ хлѣбопековъ. Первые мѣсяца три я не могъ ѣсть казеннаго обѣда, а такъ какъ новобранцу безъ провожатаго уходить изъ роты не полагается, то приходилось питаться чаемъ и булкой, какъ дѣлаютъ многіе, пока есть деньги. Но нужда пріучитъ ко всему, и я сталъ ѣсть съ такимъ же завидимымъ аппетитомъ, какъ и всѣ. На ужинъ варится каша съ признаками сала, но ѣдятъ ее неохотно. Чай солдаты получаютъ рѣдко и въ незначительномъ количествѣ (одинъ золотникъ чаю и три золотника сахару въ день на каждаго во время маневровъ, военныхъ прогулокъ, смотровъ и усиленныхъ ученій). Ротное хозяйство ведется командиромъ роты и артельщикомъ изъ нижнихъ чиновъ. Рота выбираетъ четырехъ кандидатовъ въ артельщики, одинъ изъ которыхъ и утверждается въ должности по усмотрѣнію начальства. Выборный ставитъ ротѣ угощеніе въ благодарность за доходную должность. Быть артельщикомъ и не „пользоваться“ т. е. не красть — кажется чѣмъ то невозможнымъ, невѣроятнымъ. Что всякій артельщикъ непремѣнно воръ, въ этомъ убѣждены и солдаты, и офицеры. Хозяйство ведется такимъ образомъ. Ротный выдаетъ артельщику авансы, расходы по которымъ тотъ записываетъ въ свою книжку. Эта книжка за подписью ротнаго ежемѣсячно представляется командиру полка вмѣстѣ съ росписками, если таковыя окажутся, и лежитъ въ основаніи всей ротной отчетности. Артельщикъ, въ сталѣ съ писаремъ, поваромъ и фельдфебелемъ, отпускаетъ продуктовъ меньше, чѣмъ полагается по числу людей, а выписываетъ, конечно, полностью. Кромѣ того онъ получаетъ доходы съ мясника, съ содержателя бань, съ мастеровъ и торговцевъ, съ которыми ему случается имѣть дѣло по покупкамъ для ротнаго хозяйства. Средній мѣсячный доходъ артельщика 25-30 руб. Выбирается онъ на полгода; но можетъ быть избранъ вторично. Ротный, конечно, всегда въ состояніи уличить его и отдать подъ судъ, но ему или нѣтъ времени, или мирится съ обычаемъ или чаще всего беретъ взятку съ артельщика подъ видомъ займа или же записываетъ выданнымъ авансъ, котораго не выдавалъ. Ротные командиры широко пользуются возможностью обкрадывать солдатъ и казну, это также общеизвѣстно въ арміи. Имъ не уступаютъ и нестроевые офицеры: завѣдывающій швальней крадетъ сукно, пекарней — муку, завѣдывающій общимъ хозяйствомъ полка крадетъ все, что можетъ. Этимъ духомъ стяжанія заражена и вся армія. Не говоря о фельдфебелѣ, унтерахъ и учителяхъ, практикующихъ въ широкихъ размѣрахъ вымогательство, каптенармусы крадутъ мундирную одежду и сапожный товаръ, повара — соль, писаря

— ротныя дрова для своихъ семействъ и всѣ вообще солдаты крадутъ все, что плохо лежитъ не столько въ казармѣ у своихъ, сколько у вольныхъ людей на сторонѣ. Въ казармѣ обыкновенно обкрадываютъ только новобранцевъ. У меня пропали такимъ образомъ сапоги, калоши, чайникъ, полотенце и т. п. Ротный настоятельно совѣтывалъ мнѣ замѣнить кожаный чемоданъ деревяннымъ ящикомъ, потому что чемоданъ, говорилъ онъ, разрѣжутъ и все оттуда вынутъ. Приказомъ по полку почти ежедневно отдавался кто нибудь подъ судъ за кражу. Но трудно упрекать въ этомъ солдата. Я скоро убѣдился, что безъ собственныхъ денегъ не обойдешься на службѣ, если не хочешь сидѣть подъ арестомъ. Мнѣ выдали одежду, но воротникъ мундира не сходился, петлицы были грязны, шаровары въ дырахъ, фуражка сидѣла блиномъ; пришлось все передѣлать, потому что иначе не выпустили бы въ городъ и часто наказывали бы; пришлось заплатить портному. Нужно имѣть ваксу и щетки, воскъ для чистки ремней и другую мелочь, даже сало для чистки винтовки приходится покупать, потому что казеннаго не хватаетъ, а за нечистоту винтовки — арестъ или служба не въ очередь. Изъ казеннаго холста не выходитъ и двухъ рубашекъ, а нужно имѣть по крайней мѣрѣ три гимнастерки и кое-какое бѣлье, этого требуютъ, а казеннымъ холстомъ не пользуются и самые бѣдные солдаты, потому что онъ по грубости годится развѣ только на шитье мѣшковъ. Надо стирать бѣлье, а полковой прачешной у насъ не было. Я, наконецъ, привыкъ часто мыться, пить чаи съ сахаромъ и бѣлымъ хлѣбомъ и т. д. Правда, каждому выдается одинъ рубль семьдесятъ копѣекъ въ годъ аммуничныхъ денегъ, но ихъ не хватаетъ даже на шитье порядочныхъ сапогъ, а сапоги прямо горятъ на службѣ, особенно лѣтомъ. Какъ то часу во второмъ ночи приходитъ въ роту дежурный по полку офицеръ, конечно, пьяный. Обходя койки, считая людей, онъ замѣтилъ солдата, спящаго безъ простыни, разбудилъ его, узналъ, что своей простыни у него нѣтъ, потребовалъ фельдфебеля, приказалъ ему дать собственную простыню, накричалъ, выругался и съ спокойной совѣстью удалился. Фельдфебель назначилъ солдата въ караулъ не въ очередь „за непріятность“ и приказалъ, чтобы простыня была; а откуда взять ее солдату? Изъ дому посылаютъ денегъ рѣдко, по рублю или по три къ праздникамъ. „Начальники“ обкрадываютъ казну или своего же брата, остальные воруютъ, гдѣ приходится. Правда, солдатъ продаетъ хлѣбъ, потому что три фунта не съѣдаетъ, но выручка отъ этого очень не велика.

Солдатъ нечистъ на руку, грязенъ и грубъ; онъ паразитъ, потому что живетъ на счетъ общества, не исполняя никакой полезной работы, и общество смотритъ на него съ нескрываемой брезгливостью, презирая его за его безличіе, за его порочность и грубость; нетрудящееся общество, дающее въ армію крайне ничтожный процентъ своихъ сыновей, какъ будто стыдится существованія арміи, этой колоссальной общественной язвы, развращающей населеніе и пожирающей милліарды; оно какъ будто стыдится, что милліоны людей, цвѣтъ молодого поколѣнія страны, обречены на пятилѣтнее безотвѣтное рабство, обречены быть пушечнымъ мясомъ, безвольнымъ и безсловеснымъ, оно стыдится арміи также, какъ стыдится публичныхъ домовъ, но знаетъ, что она существуетъ также и для защиты его интересовъ, интересовъ собственниковъ, она — опора порядка, основаннаго на угнетеніи и насиліи, и, презирая солдата, общество гостепріимно и любезно отворяетъ двери своихъ гостинныхъ офицерамъ, связаннымъ съ нимъ лично и морально. Обращаю вниманіе на то, что мнѣніе о всеобщности нашей воинской повинности слѣдуетъ принимать съ большимъ ограниченіемъ, пожалуй,

лишь въ формальномъ смыслѣ слова, а не по существу. Состоятельные молодые люди пользуются множествомъ способовъ, чтобы избавиться отъ нея; привилегія образованія, т. е. опять же привилегія богатства, дѣлаетъ ее сравнительно очень нетяжелой для тѣхъ изъ нихъ, кто имѣлъ несчастье попасть на службу. Сыновья трудящагося и эксплуатируемаго люда составляютъ массу арміи. Для этой массы дѣйствительная служба тянется 4 года (5 и 6 лѣтъ на окраинахъ, на Амурѣ, въ Туркестанѣ); 13 лѣтъ состоятъ они въ запасѣ арміи. Вольноопредѣляющіеся I разряда, кончившіе курсъ гимназіи или университета, служатъ одинъ годъ. Рядовые по жребію съ тѣмъ же образовательнымъ цензомъ служатъ два года. Вольноопредѣляющіеся II разряда, кончившіе четыре класса гимназіи, служатъ также два года; рядовые на правахъ второго разряда служатъ три года. Не пользующіяся льготой по образованію дѣти богатыхъ родителей имѣютъ множество способовъ смягчить себѣ тягости службы, благодаря подкупу; они занимаютъ мѣста писарей, музыкантовъ и другія нестроевыя должности. Солдаты смотрятъ на нихъ съ неудовольствіемъ, но съ особенной враждебностью относятся они къ вольноопредѣляющимся второго разряда, большею частью изъ недоучекъ, самодовольныхъ и ограниченныхъ молодыхъ людей, избравшихъ себѣ военную карьеру. Изъ полка они обыкновенно отправляются въ юнкерское училище, откуда черезъ два года выходятъ офицерами. „Купили себѣ права за деньги“, говорятъ о нихъ солдаты и стараются авансомъ выместить имъ будущія жестокости. Наше правительство любитъ хвастнуть демократизмомъ арміи, но она насквозь пропитана духомъ классового антагонизма; противуположность богатства и бѣдности чувствуется въ арміи такъ же сильно, какъ и внѣ ея. Офицеры, усердные проводники намѣреній правительства и ловкіе пропагандисты идей монархизма и православія, стараются замазать эти противорѣчія одинаково строгой для всѣхъ дисциплиной. Касаться строгости дисциплины я совершенно не буду, потому что безъ дисциплины немыслима никакая армія, по существу своему основанная на насиліи и подавленіи индивидуальности. Но необходима-ли сама армія? Она, конечно, необходима для правительства, справедливо видящаго въ ней свою главную опору въ борьбѣ съ народомъ и защиту противъ его негодованія, силу для подавленія его недовольства. Она необходима для господствующихъ классовъ общества, какъ охрана любезнаго имъ порядка вещей, какъ орудіе завоеванія новыхъ рынковъ для промышленности и какъ синекура для дворянскихъ сынковъ, занимающихъ хорошо оплачиваемыя офицерскія должности. Но у народа армія отнимаетъ его лучшія силы, а дѣтъ ему только новые налоги, да еще развѣ пули и нагайки въ моменты борьбы за свободу и за права на лучшую жизнь. Напрасно будутъ указывать при этомъ на иностранцевъ, грозить возможностью внѣшняго нападенія. Русскій народъ достаточно могучъ, чтобы защитить себя отъ нападеній сосѣдей и безъ помощи постоянной арміи. Народная милиція, стрѣлковыя общества въ мирное время, всеобщее вооруженіе народа во время войны представляютъ достаточныя гарантіи безопасности. Если отмѣна постоянной арміи и встрѣтитъ серьезныя препятствія въ ближайшемъ будущемъ, то во всякомъ случаѣ сокращеніе срока службы до одного года и уничтоженіе всѣхъ сословныхъ и классовыхъ привилегій въ арміи вполнѣ возможно и въ наше время. Если правительство находитъ, что въ теченіи года я въ состояніи усвоить себѣ всѣ элементы военной службы, то почему же всякій другой, крестьянинъ или рабочій, не сможетъ того же самаго. Значеніе службы не стоитъ ни въ какой связи

съ образованіемъ, наоборотъ, сознательность образованнаго человѣка порождаетъ въ немъ отвращеніе къ ней, ненависть къ безсмысленному и оскорбительному режиму. Мои одногодцы, которымъ придется служить еще три года послѣ того, какъ я уже получилъ свободу, знаютъ службу куда лучше моего и относятся къ ней съ несравненно большимъ усердіемъ. Отнимать у молодыхъ, сильныхъ, здоровыхъ людей пять лучшихъ лѣтъ жизни вмѣсто одного года нѣтъ никакихъ разумныхъ основаній; въ этомъ есть своекорыстный расчетъ: создать янычаръ, оторванныхъ отъ жизни народа, готовыхъ броситься на него по первому приказу.

Послѣ обѣда въ порядкѣ зимняго дня въ казармѣ слѣдуетъ нарядъ на службу и разводъ карауловъ. Нарядомъ на службу ведется строгая очередь, но маленькіе начальники ухитряются извлекать „пользу“ и при этомъ. Въ городахъ съ незначительнымъ гарнизономъ одной роты обыкновенно не хватаетъ для замѣщенія карауловъ, вѣстовыхъ, посыльныхъ, дежурныхъ и т. д.; приходится брать добавокъ отъ другой роты. Со мной бывали такіе случаи. Въ понедѣльникъ въ часъ дня я иду въ караулъ, стало быть въ теченіе сутокъ не снимаю аммуниціи, кромѣ чая и хлѣба ничего не ѣмъ, сплю мало и урывками, восемь часовъ стою на морозѣ съ винтовкой въ напряженномъ вниманіи, какъ бы не прозѣвать начальства; во вторникъ къ тремъ или четыремъ часамъ дня усталый и голодный возвращаюсь въ роту, гдѣ получаю остатки невкуснаго остывшаго обѣда. Но я не мугу уйти изъ казармы, чтобы пообѣдать въ городѣ, потому что долженъ вычистить винтовку и показать ее взводному. „Не чисто, копоти много“, цѣдитъ сквозь зубы взводный, разсматривая на свѣтъ каналъ ствола, блестящій, какъ зеркало: „надо еще почистить“. Наконецъ, винтовка вычищена и смазана. — „Г. взводный, позволь же отлучиться въ городъ,“ но взводный будто не слышитъ, хотя я стою возлѣ него. „Такъ я все равно уйду!“ — „Я не могу отпустить, скоро повѣрка, просите фельдфебеля“. Послѣдній, понимая, въ чемъ дѣло, усмѣхаясь, говоритъ, что это его не касается. Этотъ день считается для меня свободнымъ и я могу лечь спать. Въ среду наша рота идетъ вдобавокъ и послѣ обѣда взводный уже кричитъ мнѣ: „въ караулъ!“ Я еще имѣю возможность контролировать его, слѣдить, чтобы моя служба по листу нарядовъ не засчитывалась другому, но неграмотные безсильны противъ злоупотребленій. Сама по себѣ военная служба не тяжела, всѣ ея моменты детально разработаны военными уставами съ такимъ разсчетомъ, чтобы армія всегда была въ боевой готовности, чтобы солдатъ всегда былъ сытъ, здоровъ и бодръ духомъ, но произволъ, основной принципъ внутренняго порядка въ войскѣ, дѣлаетъ службу невыносимо тягостной, изнурительной и ненавистной. „Своей воли нѣтъ“ характеризуютъ солдаты свое положеніе; и воли дѣйствительно нѣтъ. Отлучки изъ казармы крайне затруднены; вырваться изъ нея въ будній день по личной надобности крайне трудно. Но вотъ приходитъ суббота, занятія прекращаются въ полдень, остальное время дня посвящается уборкѣ помѣщенія. Какъ свободный отъ работъ, я пишу себѣ и другимъ отпускные билеты до семи часовъ утра, но фельдфебель не находитъ времени отнести ихъ на подпись ротному командиру раньше вечера и только часамъ къ восьми мы, наконецъ, свободны. Но утромъ я обязанъ явиться, и до развода, т. е. до половины второго, я обязанъ быть на лицо. Если не попадаю въ нарядъ, могу отпроситься въ городъ до восьми часовъ вечера. За опозданіе къ повѣркѣ арестъ, служба не въ очередь, воспрещеніе отлучаться со двора на мѣсяцъ и болѣе. За новое опозданіе подъ судъ. Свободное время, какъ ни мало его,

все же есть у старослужащихъ, у молодыхъ его совсѣмъ нѣтъ, все ихъ время идетъ между службами и работой почти безъ передышки. Затрудненность отлучекъ для солдатъ несомнѣнно въ интересахъ дисциплины, общеніе съ внѣшнимъ міромъ развлекаетъ ихъ, будитъ въ нихъ горькія чувства, тогда какъ замкнутость въ казарменной атмосферѣ порождаетъ враждебность къ вольнымъ людямъ, приближаетъ солдатъ къ звѣроподобнымъ. Моральное одичаніе ихъ сказывается особенно въ ихъ отношеніяхъ къ женщинамъ. Бумага не стерпѣла бы, если бы описывать относящіеся сюда случаи. Трудно представить себѣ цинизмъ, болѣе несчастный, жестокій. Всѣ другіе пороки солдатъ обыкновеннаго свойства, всѣ они встрѣчаются и у вольныхъ людей, но безстыдство этого рода — исключительная привиллегія казармы, да развѣ еще каторги. Деревенскій парень приходитъ на службу обыкновенно женатымъ, но его „баба“ по общему правилу не живетъ безъ него цѣломудренно, и онъ не виноватъ ее за это. Самъ онъ при первой возможности заводитъ себѣ подругу, кухарку или профессіональную проститутку, эксплуатируетъ ее нещадно и забываетъ, какъ только кончаетъ службу. Общеизвѣстно, что армія вноситъ развратъ въ мѣстное населеніе.

Чтобы занять праздный умъ солдатъ, начальство придумываетъ для нихъ развлеченія: бесѣды со священникомъ, книги для чтенія, даже театръ. Разъ или два въ годъ разъигрываютъ драматическія сцены, незамысловатыя по содержанію, но доставляющія много искренняго удовольствія зрителямъ и исполнителямъ. Книги также читаются и слушаются очень охотно, но ротная библіотека не удовлетворяетъ даже неприхотливаго вкуса солдата; она подобрана очень тенденціозно изъ книгъ религіозно-монархическаго содержанія; изданія Березовскаго съ разсказами о преданности престолу и неукоснительномъ исполненіи служебнаго долга, спеціальные журналы („Чтеніе для солдатъ“, „Досугъ и дѣло“) не нравятся грамотѣямъ: „все только и писано о томъ, какъ уставы наблюдать“. Въ журналахъ для солдатъ помѣщаются иногда и толково написанныя статьи по этнографіи, исторіи, о текущихъ политическихъ событіяхъ, напримѣръ, о возстаніи боксеровъ, но всѣ они раздавлены восхваленіями самодержавнаго порядка и преимуществъ вѣры православной. Начальство слѣдитъ, чтобы въ казарму не попадали посторонніе книги: по уставу каждая такая книга должна быть подписана ротнымъ командиромъ. Когда я поступилъ въ роту, мой чемоданъ подвергся тщательному осмотру, и бывшія въ немъ книги были отобраны и сданы въ цехгаузъ на сохраненіе до окончанія службы. Я также былъ обреченъ такимъ образомъ на чтеніе религіозно-нравственныхъ бесѣдъ и разсказовъ о подвигахъ русскихъ воиновъ. На бесѣды со священникомъ солдатъ водятъ командами; такъ какъ бесѣды эти бываютъ обыкновенно по праздникамъ, и отнимаютъ свободное время, то и возбуждаютъ крайнее отвращеніе. Посѣщеніе церковной службы и говенье обязательны въ арміи, но вліяніе церкви мало выигрываетъ отъ этой обязательности. Солдаты, по общему правилу, индифферентны къ религіи. „Чего намъ молиться? за насъ вся Россія молится“, говорили они. Развлеченія и церковь не содѣйствуютъ смягченію нравовъ, не уменьшаютъ ни воровства, ни пьянства, чрезвычайно развитаго въ войскѣ. Упомянувъ о развлеченіяхъ, нельзя обойти пѣсенъ, занимающихъ совершенно особое мѣсто въ казарменной жизни. Пѣсни, какъ и посѣщеніе храма, обязательны для солдатъ. Въ свободное время фельдфебель созываетъ роту „на пѣсни“, обращая особенное вниманіе на пріученіе къ нимъ молодыхъ. Пѣсни играютъ ту же роль, что и музыка: ритмическіе звуки помогаютъ размѣренному.

однообразному движенію колоннъ, подъ пѣсни легче идти, отбивая тактъ, легче сохранять стройность марша. Когда рота возвращается съ ученья или послѣ стрѣльбы, усталые, изнеможенные отъ жары и пота люди идутъ не въ ногу, вяло, нестройно, все болѣе поддаваясь утомленію, но грянетъ пѣсня, и ноги сами отбиваютъ тактъ, легче дышется груди, легче идти. Начальство знаетъ это и зорко наблюдаетъ, чтобы всѣ пѣли, а нежелающимъ тутъ же назначаетъ наказаніе. Грустно видѣть солдата, у котораго всѣ члены ноютъ отъ усталости, а онъ все-таки во весь голосъ кричитъ залихватскую пѣсню. Высшее начальство требуетъ, чтобы люди умѣли пѣть и провѣряетъ это. Однажды случилось, что послѣ смотра люди затянули некрасовскую Пѣсню Еремушки. Генералу не понравилось, и вскорѣ въ приказѣ по бригадѣ появилось предписаніе, чтобы пѣсни пѣлись исключительно военныя, приноровленныя къ маршу въ 120-130 шаговъ въ минуту. Какъ всякое приказаніе, это было понято слишкомъ буквально: какъ-то вечеромъ группа солдатъ, сидя передъ повѣркой у своихъ палатокъ, затянули „разлуку“, фельдфебель бросился на нихъ съ громкимъ окрикомъ: „чего разорались! сказано, оприча военныхъ, никакихъ пѣсенъ не пѣть, только непріятности изъ за васъ!“ Я уже сказалъ, что пѣсни и музыка помогаютъ однообразности, стройности и легкости движеній. Для достиженія этого однообразія тратится много усилій при обученіи, и не даромъ. Дружныя, ритмически размѣренныя движенія массы удивительнымъ образомъ дѣйствуютъ на волю и сознаніе каждаго отдѣльнаго солдата и создаютъ совершенно новое коллективное настроеніе, свойственное только толпѣ. Смѣшно и грустно становилось въ душѣ, когда мнѣ случалось ловить себя на томъ, что я маршируя подъ музыку съ вдохновеніемъ стараго преданнаго служаки, — такъ заражало настроеніе толпы, такъ дѣйствовала ритмичность звуковъ и движеній. Это же настроеніе создается и систематическимъ пріученіемъ на опредѣленныя слова команды отвѣчать столь же опредѣленнымъ массовымъ движеніемъ. Лишь только раздается въ казармѣ: „смирно!“, какъ-то само собой вытягиваешься въ струнку; по командѣ „рота“ винтовка какъ будто рефлективно, легко и быстро взлетаетъ къ плечу, машинально взводится курокъ и слухъ напряженно ожидаетъ: пли! Организованность и дисциплина дѣлаютъ армію неодолимо могучей, и не въ открытомъ бою побѣдитъ ее возставшій народъ, онъ побѣдитъ ее только силой моральнаго вліянія, заразивъ ее любовью къ дѣлу свободы, ненавистью къ угнетенію, взывая къ чувству справедливости. Большую тактическую ошибку дѣлаютъ, поэтому, стачечники во время стачекъ и демонстрацій, встрѣчая появленіе войска каменьями и кликами презрѣнія. Отражать нападеніе, разумѣется, всегда необходимо, но не слѣдуетъ самимъ открывать наступленіе на солдатъ; при этомъ къ нимъ слѣдуетъ обращаться съ воззваніемъ, разъяснять имъ ихъ постыдную роль братоубійцъ, говорить о солидарности всѣхъ угнетенныхъ. Всего лучше въ такомъ случаѣ попытаться смѣшать ихъ ряды, дезорганизовать ихъ: армія страшна только во фронтѣ; становясь толпой, она теряетъ всю свою силу. Нашъ полкъ незадолго до моего поступленія принималъ видное участіе въ подавленіи рабочихъ волненій въ большомъ промышленномъ городѣ, гдѣ квартировалъ. Ему приходилось два раза очищать улицу отъ толпы, дѣйствуя прикладами и штыками, и дать нѣсколько залповъ. — „Какъ вамъ было не стыдно, — спрашивалъ я солдата въ разговорѣ по этому поводу, — стрѣлять въ безоружную толпу рабочихъ, волновавшихся только изъ за того, что хозяева не хотѣли давать имъ плату, достаточную для жизни; васъ по-

слала полиція, подкупленная испуганными хозяевами, васъ послалъ губернаторъ, потому что правительство всегда защищаетъ богатыхъ, а вы и рады случаю и давай палить, гдѣ же у васъ совѣсть? Вы служите, чтобы защищать отечество отъ враговъ, но развѣ отечеству грозила какая-нибудь опасность?" — „Если бы не солдаты, перебилъ меня вольноопредѣляющійся, сынъ мѣстнаго банкира, нелюбимый въ ротѣ за высокомѣріе, — если бы не солдаты, эта сволочь разгромила бы всѣ магазины, мы спасли городъ." — „ Не въ этомъ дѣло, съ досадой перебилъ его унтеръ-офицеръ, — мы развѣ рады были... мы замучились въ эту недѣлю, только вернемся бывало въ роту, не успѣемъ пообѣдать, опять тревога... аммуниціи не снимали, такъ и спали съ сумками; первые два дня мы стояли на улицѣ „смирно" съ ружьемъ у ноги, но рабочіе осыпали насъ камнями, переднія шеренги возвращались домой съ окровавленными лицами, а намъ запрещалось отвѣчать на это даже ударомъ приклада; мы прямо остервенѣли отъ злобы и когда на другой день раздалась команда, конечно, нѣкоторые и тутъ мѣтили въ стѣну или тумбу, но многіе намѣренно выбирали живыя цѣли, убили даже какую-то старуху". Вооружить противъ себя солдатъ — ошибочно, наоборотъ, надо привлечь ихъ на свою сторону.*)

Въ зимнее время, послѣ развода карауловъ, отъ половины второго до половины третьяго часовъ дня молодые солдаты садятся за школьныя занятія. Военное министерство любитъ повторять, что служба дѣлаетъ солдата грамотнымъ, но это пустая выдумка, разсчитанная на легковѣріе публики. Правда, встрѣчаются солдаты, страстно желающіе научиться грамотѣ и такимъ ротная школа даетъ умѣнье читать, писать и считать, но эти рѣдкія исключенія возможны только въ тѣхъ случаяхъ, когда командиръ роты слѣдитъ за школьнымъ обученіемъ или младшій офицеръ, занимающійся школой, относится къ дѣлу съ сердечнымъ участіемъ; обыкновенно же это отношеніе бываетъ чисто формальнымъ и школа чаще всего занимается „сама собой", какъ говоятъ въ казармѣ, т. е. безъ всякаго руководства, лишь для порядка, — потому только, что такъ положено; или же занятіями руководитъ грамотный солдатъ, въ этомъ случаѣ также все зависитъ отъ случая. Но нерѣдко бываетъ, что школой не занимаются вовсе и только передъ смотрами вспоминаютъ, что она „полагается". Тогда ротный „приводитъ въ порядокъ" школьный журналъ, т. е. проставляетъ числа мѣсяца и отмѣтки. Я не замѣтилъ, чтобы успѣхи школы когда-нибудь повѣрялись высшимъ начальствомъ. Невнимательное, небрежное отношеніе къ школѣ достаточный показатель крайне невысокаго уровня *интеллигентности нашихъ офицеровъ*, да и трудно интеллигентному человѣку быть офицеромъ, т. е. сознательнымъ орудіемъ въ дѣлѣ превращенія двухъ милліоновъ людей въ безвольные механизмы, обезличиванія ихъ, подавленія въ нихъ чувства достоинства и самоуваженія. Мыслящій человѣкъ скоро бы задохнулся въ удушливой атмосферѣ казармы, и дѣйствительно, подавляющее большинство нашихъ офицеровъ бездушные чиновники, карьеристы или человѣчки въ футлярѣ. Тѣ изъ нихъ, которые ближе всего стоятъ къ солдатамъ и наиболѣе воздѣйствуютъ на нихъ, чаще всего вышли изъ вольноопредѣляющихся,

*) Обращаемъ вниманіе на эти указанія автора. Въ самое послѣднее время въ рядѣ случаевъ, когда противъ солдатъ высылались войска, черезчуръ нервное настроеніе рабочихъ, которые первыми начали бросать камнями свистать и т. п., несомнѣнно приводило къ ожесточенію солдатъ.

Прим. редакціи.

получившихъ „домашнее образованіе“, и поражаютъ своимъ невѣжествомъ. Всѣ они башибузуки душой и тѣломъ, настроены крайне консервативно и служатъ царизму не только за страхъ, но и за совѣсть. Рязсчитывать на ихъ сочувствіе революціонному движенію или на поддержку съ ихъ стороны совершенно утопично. Пусть не приводятъ въ опроверженіе имена Красовскаго, Ашенбреннера и др. За 30 лѣтъ утекло много воды, составъ и характеръ офицерства измѣнились значительно. Для офицеровъ прежняго времени, по происхожденію своему большею частью дворянъ-землевладѣльцевъ, служба не была единственнымъ источникомъ существованія. До извѣстной степени независимые матеріально, они не были тѣми чиновниками до мозга костей, угодливыми, не имѣющими собственнаго мнѣнія тупицами, какъ ихъ позднѣйшіе коллеги. Въ офицерской средѣ и тогда было много невѣжества, дикости, много пороковъ, разгульной и праздной жизни. Но не было того отсутствія чувства чести, какъ теперь. Въ отношеніяхъ къ обывателямъ и другъ къ другу была извѣстная, хотя и условная порядочность, джентльменство; въ отношеніи къ начальству была доля независимости и благородства. Офицеры нашего времени — чиновники, всецѣло зависящіе отъ правительства, готовые на все, что угодно, на предательство и убійство ради служебныхъ выгодъ; сословную честь они понимаютъ только въ смыслѣ безнаказанности ихъ наглости въ отношеніяхъ съ невоенными; кадры корпуса жандармовъ и общей полиціи пополняются ими; почти каждый съ удовольствіемъ отречется отъ своего званія ради выгодной должности сомнительнаго достоинства; сантиментальная честь мундира прежняго времени для ихъ продажной души только вопросъ величины оклада. Съ досадой читалъ я въ „Искрѣ“ и другихъ изданіяхъ воззванія, съ которыми обращались революціонеры къ ихъ чести и совѣсти, и ни минуты не сомнѣвался, что всѣ эти воззванія были представлены при рапортахъ по начальству ;*) и все это въ то время, когда почти ничего не дѣлается для завоеванія симпатій солдатъ, между тѣмъ какъ почва здѣсь несравненно болѣе благодарная. Солдаты по общему правилу выходцы изъ народа; долгое пребываніе въ специфическихъ условіяхъ казармы налагаетъ на нихъ особый отпечатокъ, создаетъ своеобразную психологію, привычки и воззрѣнія, только имъ однимъ свойственныя. Но солдатъ никогда не забываетъ связи съ родной средой, ея интересы, волненія и надежды ему понятны и близки, онъ живетъ мечтой о томъ, какъ онъ снова вернется туда, забудетъ навсегда ненавистныя впѣчатлѣнія службы, снова будетъ „вольнымъ“. Онъ и на службѣ жадно ловитъ всякій слухъ, всякую мысль, имѣющую отношеніе къ жизни его родной среды. Солдаты вообще очень любознательны; служба въ большихъ городахъ имѣетъ ту хорошую сторону, что значительно расширяетъ ограниченный горизонтъ понятій деревенскаго парня. Правда, большинство теряется передъ сложностью новой окружающей жизни и въ оцѣнкѣ ея полагается на мнѣніе начальства, но въ ротѣ всегда найдется не мало людей, пытливо относящихся къ впечатлѣніямъ. Часто видишь, что въ казармѣ откуда-то со стороны появляются книжки и читаются съ ин-

*) Организація революціонныхъ группъ среди самихъ офицеровъ (о чемъ въ послѣднее время сообщалось въ нелегальной печати) показываетъ, что эта среда все же не такъ безнадежна, какъ полагаетъ авторъ. Съ послѣднимъ мы согласны въ томъ, что пріобрѣтеніе симпатій солдатъ для революціонной партіи является главной задачей ея работы въ арміи. Съ точки зрѣнія этой именно задачи немаловажно содѣйствіе и сочувствіе хотя бы небольшой части офицерства. Прим. редакціи.

тересомъ. Нелегальная книжка, умѣло составленная, зачитывается до дыръ, хотя и рискованно пускать ее въ казармѣ, потому что при осмотрѣ, какому часто и внезапно подвергаются солдатскія вещи, она, какъ неподписанная ротнымъ, будетъ представлена по начальству. Устная пропаганда несравненно удобнѣе; солдаты жадно слушаютъ объясненіе непонятныхъ имъ явленій общественно-политической жизни, засыпаютъ вопросами, проявляя много пониманія. По вечерамъ вокругъ меня обыкновенно собирался кружокъ слушателей, и нужно признать, что наибольшій интересъ къ бесѣдамъ замѣчался среди унтеръ-офицеровъ, какъ людей грамотныхъ и болѣе развитыхъ. Но если въ ротѣ есть солдаты изъ городскихъ рабочихъ, успѣхъ широкой пропаганды обезпеченъ. Подобно тому, какъ связи рабочаго класса съ деревней распространяютъ на нее сферу вліянія соціаль-демократіи, связи его въ арміи помогутъ намъ оказывать вліяніе и на эту послѣднюю. Попытки, пользуясь этими связями, организовать солдатскіе кружки для систематической пропаганды соціалистическихъ идей всегда удаются и теперь, но партіи слѣдуетъ обратить на это дѣло серьезное вниманіе и удѣлять ему непрерывно опредѣленную часть своихъ силъ. Достаточно имѣть въ ротѣ человѣкъ 5-7 преданныхъ людей, чтобы въ моментъ дѣйствія противъ народа рота могла быть вполнѣ деморализована при рѣшительномъ поведеніи этой небольшой кучки. Во фронтѣ стоитъ лишь одному нарушить дисциплину, не исполнить приказанія, разбить сковывающее всѣхъ механическое однообразіе движеній, и это моментально отразится на всѣхъ, порядокъ будетъ нарушенъ. Дружное поведеніе пяти энергичныхъ людей въ любой моментъ сдѣлаетъ роту нашей. Офицеры знаютъ это и потому за малѣйшее нарушеніе порядка, за невнимательность къ командѣ, за легкое шевеленіе въ строю полагаются суровыя наказанія. Вести пропаганду всего удобнѣе попадающимъ въ солдаты товарищамъ, а теперь съ развитіемъ массового рабочаго движенія, такіе случаи не рѣдки. Насъ, напримѣръ, въ полку оказалось семь человѣкъ, уже привлекавшихся къ разнымъ „дознаніямъ“; оказалось бы, вѣроятно, и больше, если бы осторожность не заставляла многихъ скрывать свой образъ мыслей. Удобно также заводить знакомства съ солдатами путемъ личныхъ связей рабочихъ съ своими товарищами, отбывающими воинскую повинность. Даже въ настоящее время, когда революціонерами еще почти ничего не сдѣлано въ этомъ направленіи, надежды правительства на армію въ борьбѣ съ народомъ преувеличены. Дисциплинированному отряду легко, конечно, разсѣять безпорядочную, безоружную толпу крестьянъ или рабочихъ, но бороться съ организованнымъ возстаніемъ народа, которымъ не можетъ не кончиться революціонное движеніе нашего времени, — дѣло несравненно болѣе трудное. Соприкосновеніе съ народомъ разбудитъ солдатскую совѣсть, солдатъ пойметъ всю преступность отбираемой отъ него присяги на вѣрность царю, подавленная ненависть къ угнетателямъ вспыхнетъ и въ немъ и съ удвоенной энергіей обратится онъ противъ общаго врага.

Тѣмъ досаднѣе было читать воззванія революціонеровъ къ офицерамъ, что наиболѣе интенсивное чувство солдатъ — ненависть къ нимъ, непримиримая, укоренившаяся ненависть, объединяющая ихъ всѣхъ; она вызывается тѣмъ, что офицеръ, по общему правилу, не считаетъ солдата за человѣка, смотритъ на него, какъ на живо̀тное или какъ на вещь, не имѣющее ни воли, ни самолюбія, ни сознанія своего я. Существуетъ три основныхъ типа офицеровъ: заботливые, безразличные и звѣри или по солдатскому выраженію „багрызлы“. Багрызла не можетъ спокойно видѣть солдата, онъ всегда найдетъ способъ подтянуть

его, будь то въ строю, на улицѣ или въ ротѣ въ свободное время; онъ не просто сдѣлаетъ замѣчаніе о неисправности въ формѣ одежды, о невнимательности или неумѣлости пріема; онъ непремѣнно при этомъ утомительно долго сквернословитъ, дастъ нѣсколько плюхъ, поглумится и уже только послѣ этого наложитъ взысканіе обыкновенно въ такихъ выраженіяхъ: „фельдфебель, поставь его, мерзавца, подъ ружье, пока онъ не сдохнетъ тамъ, собака!“ Багрызла не можетъ допустить, чтобы солдатъ думалъ о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ службы, кромѣ того, какъ бы лучше угодить начальству. Багрызла не любитъ давать отпуски; онъ негодующе удивляется, когда видитъ, что солдатъ ѣстъ бѣлый хлѣбъ, купленный на собственныя деньги; онъ называетъ солдатъ дармоѣдами и убѣжденъ, что казарма облагодѣтельствовала ихъ, онъ истязаетъ своего деньщика, онъ норовитъ каждаго отдать подъ судъ. Багрызла ретивъ къ службѣ, и если онъ ротный, онъ мучаетъ своихъ людей учеьями; если онъ адъютантъ, онъ заваливаетъ работой писарей, а въ свободное время держитъ ихъ въ карцерѣ; если онъ завѣдуетъ мастерскими, онъ безпощадный эксплуататоръ. Кстати, нѣсколько словъ объ этихъ мастерскихъ. Существуютъ они для обслуживанія полкового хозяйства и имѣютъ отдѣленія: ружейное, столярное, сапожное и швальню, гдѣ шьютъ мундирную одежду. Офицеры частенько дѣлаютъ заказы въ мастерскихъ, разумѣется, безъ всякой платы за работу, а иногда и за матерьялъ. Мало этого, если заказъ дурно исполненъ, или не къ сроку, мастера сажаютъ подъ арестъ или даютъ ему „отлучку“, т. е. лишаютъ права отлучаться со двора на время отъ трехъ дней до одного мѣсяца.

Офицеръ безразличный обыкновенно пользуется извѣстной любовью солдатъ. Онъ лѣнивъ къ службѣ и на участь и даже на обученіе ввѣренныхъ ему людей обращаетъ мало вниманія; онъ самоувѣренъ на смотрахъ, не заискиваетъ у начальства, не гонится за его благодарностью; онъ не тянетъ солдата, бываетъ даже, что не ругается вовсе, развѣ въ видѣ ласки; „отецъ“, говорятъ о такомъ въ ротѣ. Нужды нѣтъ, что онъ проиграетъ иногда въ карты солдатское жалованье и по два мѣсяца не выдаетъ денежныхъ писемъ, но онъ не отдаетъ подъ судъ даже если захватитъ спящимъ на посту, и въ случаѣ несчастья выручитъ изъ бѣды. Конечно, тѣмъ болѣе самодержавенъ его фельдфебель, тѣмъ меньше стѣсняются унтера, тѣмъ хуже питаются солдаты, потому что такой офицеръ больше всего на свѣтѣ не любитъ жалобъ, но ужъ солдаты его не подведутъ, они „постараются“ для него и на стрѣльбѣ и на смотру. Но этотъ типъ далеко не преобладаетъ въ офицерской средѣ.

Полная противуположность ему — командиръ заботливый. Каждый шагъ своего солдата онъ подвергаетъ тщательному контролю, утомительному по своей придирчивости и мелочности. Люди у него всегда сыты, опрятно одѣты и ограждены отъ злоупотребленій маленькихъ начальниковъ, особенно слѣдитъ онъ, чтобы не обижали молодыхъ, и всетаки его ненавидятъ. Встрѣтивъ солдата на улицѣ, онъ подробно распроситъ, куда и зачѣмъ тотъ идетъ, и наводитъ справки о его знакомыхъ; если замѣтитъ при этомъ невычищенные сапоги, вернетъ въ роту; неформенныя рукавицы тутъ же при немъ сдернетъ, разорветъ и броситъ; выдавая письмо, каждое распечатаетъ, прочитаетъ вслухъ, подробно распроситъ по поводу содержанія и не отпуститъ безъ наставленій; въ ротѣ у него развиты доносы и наушничество, онъ всегда формалистъ и зачастую жестокъ. Командиръ нашей роты былъ офицеръ этого типа Высокаго роста, съ громовымъ голосомъ, необыкновенно

сильный, онъ былъ вспыльчивъ и въ гнѣвѣ не зналъ предѣловъ. Однажды онъ заставилъ солдата разуться, желая убѣдиться, чисты ли у него портянки, и приказалъ перемѣнить ихъ. На другой день онъ вспомнилъ объ этомъ и, убѣдившись, что солдатъ портянокъ не перемѣнилъ, отдалъ его подъ судъ за неисполненіе приказанія; судъ приговорилъ виновнаго на десять мѣсяцевъ въ дисциплинарный баталіонъ. Онъ не давалъ подолгу жить въ деньщикахъ, говоря, что человѣкъ избалуется и службу забудетъ, — деньщикомъ тяжело быть только у семейныхъ офицеровъ, гдѣ онъ и лакей, и нянька, и кухарка и разсыльный, у холостыхъ и одинокихъ ему вольготно. Однажды онъ отдалъ приказъ деньщику Пахомову вернуться въ роту. На другой день онъ спросилъ о немъ, но перепуталъ фамилію и спросилъ Петрова, лежавшаго въ то время въ лазаретѣ. На вопросъ, вернулся ли Петровъ, фельдфебель отвѣтилъ „никакъ нѣтъ“. „Пошли сейчасъ же за нимъ и приведи его сюда, мерзавца, силой: писарь, найди приказъ!“ Но писарь, разумѣется, не могъ найти приказа о возвращеніи Петрова въ роту, за что получилъ ударъ по головѣ. Въ это время Петрова привели изъ лазарета. „Чего изволите, ваше высокоблагородіе?“, но не успѣлъ онъ договорить, какъ былъ сбитъ съ ногъ и черезъ нѣсколько минутъ окровавленнымъ былъ унесенъ обратно въ лазаретъ. Скоро капитанъ понялъ свою ошибку и пошелъ извиняться. „Ошибся, братецъ, что дѣлать, ты солдатъ и я солдатъ, оба мы служимъ“ и положилъ передъ нимъ три рубля, но Петровъ денегъ не взялъ и доложилъ обо всемъ старшему врачу. Тотъ подалъ рапортъ командиру полка, но, какъ и всѣ предыдущіе безчисленные рапорты о неистовствахъ К., о переломѣ рукъ, ногъ, разбитіи барабанныхъ перепонокъ, этотъ также остался безъ послѣдствія, хотя самъ командиръ полка былъ человѣкъ мягкотѣлый и не заѣдалъ солдата; но онъ не могъ возбудить преслѣдованія противъ офицера въ этомъ случаѣ, такъ какъ этимъ подрывалась бы дисциплина. Командиръ полка, добрый въ сущности человѣкъ, самъ отдалъ однажды приказъ о наказаніи пятьюдесятью ударами розогъ солдата, осмѣлившагося подать прошеніе объ исключеніи его изъ разряда штрафованныхъ — не по командѣ, т. е. прямо ему, минуя ротнаго командира. По уставу солдатъ не можетъ обращаться къ начальству иначе, какъ въ порядкѣ командованія ни съ донесеніями, ни съ жалобами. Это то и дѣлаетъ его положеніе совершенно беззащитнымъ передъ произволомъ большого и маленькаго начальства. Представьте себѣ такую сцену. На вечернихъ занятіяхъ словесностью солдатъ не можетъ толкомъ отвѣтить на вопросъ. „Дай ему по затылку!“ приказываетъ учитель сосѣду, быть можетъ, земляку неудачника. И если онъ даетъ ударъ легонько, то немедленно самъ получаетъ ударъ уже настоящій. „Вотъ какъ надо бить, покажи-ка ему еще“, обращается учитель уже къ первому, и я не видалъ случая, когда подобное приказаніе не исполнялось бы. „Почему вы не жалуетесь, спрашивалъ я“. „Кому же жаловаться, пойдешь въ фельдфебелю, онъ тебѣ отъ себя прибавитъ, доложишь ротному, самъ же окажешься виновникомъ, а если ротный и накажетъ обидчика, такъ ужъ этотъ впослѣдствіи выместитъ, въ гробъ вгонитъ“. Жаловаться на начальника можно только непосредственно старшему за нимъ, съ его вѣдома и разрѣшенія. Ни въ какомъ случаѣ нельзя приносить жалобы, не доложивъ объ этомъ своему отдѣленному, взводному и фельдфебелю. Претензіи и жалобы на офицеровъ допускается заявлять устно и письменно на инспекторскомъ смотру, который производится обыкновенно бригаднымъ или дивизіоннымъ генераломъ не рѣже одного раза въ годъ. Дня за два до

смотра командиръ дѣлаетъ всѣмъ чинамъ полка опросъ претензій и не заявившій жалобы на такомъ опросѣ не можетъ заявить ее и на смотру; не заявившій на смотру, теряетъ право жалобы совершенно. Генералъ опрашиваетъ каждую роту отдѣльно, не имѣютъ ли претензій, довольны ли пищей, не терпятъ ли обидъ и притѣсненій, все ли въ свое время получаютъ и слыша неизмѣнное „такъ точно“ и „никакъ нѣтъ“, генералъ благодаритъ и, объяснивъ, что солдатъ не можетъ быть недоволенъ, уѣзжаетъ. Жалобы на этихъ смотрахъ заявляются крайне рѣдко, потому что обыкновенно онѣ оставляются безъ послѣдствій. Деньщикъ поручика Ш. заявилъ однажды, что его жестоко избилъ баринъ за то, что онъ недосмотрѣлъ за его собакой, пропадавшей двое сутокъ, и въ удостовѣреніе побоевъ сослался на медицинское освидѣтельствованіе полкового врача. Въ результатѣ онъ былъ посаженъ на мѣсяцъ подъ арестъ за неосновательную жалобу. Еще не отсидѣлъ онъ своего срока, какъ обнаружилось, что поручикъ Ш. душевно больной. Мнѣ пришлось быть дежурнымъ по лазарету, когда поручикъ проводилъ въ немъ послѣднюю ночь передъ отправленіемъ въ психіатрическую больницу. Онъ сдѣлалъ нѣсколько попытокъ бѣжать изъ лазарета и для охраны къ нему было приставлено пять человѣкъ солдатъ. Они глумились надъ нимъ, били его, плевали ему въ лицо, громко ругали, такъ что несчастный, не утративший искры сознанія, то бѣсился отъ гнѣва, то горько жаловался и плакалъ. „Что вы дѣлаете, братцы, вѣдь онъ больной“, усовѣщивалъ я ихъ. „Его убить мало, злобно отвѣчали мнѣ, знаешь ли ты, что онъ съ нами дѣлалъ?“ Солдаты убѣждены, что жалобы на начальство безполезны и правды искать у него нечего, „свой своему глазъ не выколетъ“. Такъ же скептически относятся они и къ военной юстиціи. Полковой судъ, которому чаще всего подвергаются солдаты за преступленія и проступки противъ дисциплины, за самовольныя отлучки и побѣги, за мелкія кражи и неисправимо дурное поведеніе, судъ этотъ подъ предсѣдательствомъ подполковника состоитъ еще изъ одного или двухъ членовъ и дѣлопроизводителя, все офицеровъ своего же полка, не получившихъ никакой спеціальной подготовки для отправленія правосудія и руководящихся въ постановкѣ приговора больше внутреннимъ побужденіемъ т. е. частной характеристикой подсудимаго со стороны отдавшаго его подъ судъ офицера. Помню, какой эффектъ, едва ли желательный для начальства, произвело чтеніе передъ ротой приказа по полку о томъ, какъ осужденный на полтора года въ дисциплинарный батальонъ за вторичный побѣгъ со службы обратился къ предсѣдателю, выслушавъ приговоръ: „ваше высокоблагородіе, вамъ не людей судить, а свиней пасти“ и по требованію суда еще разъ повторилъ это мнѣніе, за что поплатился тремя годами тюрьмы и ссылкой въ Сибирь. „Ловко! молодецъ“, раздавалось по рядамъ.

Съ такимъ же недовѣріемъ смотрятъ солдаты и на казенную медицинскую помощь. Они неохотно идутъ къ военнымъ врачамъ съ серьезной болѣзнью, предпочитая лѣчиться у вольныхъ фельдшеровъ или знахарей за собственный счетъ. Доктора, по ихъ мнѣнію, только морятъ или вовсе не лѣчатъ, а лѣкарства, которыя полагаются для солдатъ, продаютъ на сторону. Въ доказательство этому приводится множество примѣровъ неудачнаго лѣченія. Причины такого недовѣрія кроются отчасти въ широко распространенной продажности военныхъ врачей. Въ полку у насъ было общеизвѣстно, что старшій врачъ, имѣющій въ городѣ собственный заводъ минеральныхъ водъ и обширную практику, освобождаетъ отъ службы всякаго, беря за это не дешевле двухъ сотъ рублей. Съ другой стороны, это объясняется небрежнымъ уходомъ за

больными солдатами. Въ нашемъ лазаретѣ часто случалось, что больной лежалъ недѣлю и болѣе безъ всякаго лѣченія, о немъ какъ будто забывали. Если ему посчастливилось остановить на себѣ вниманіе фельдшера или врача, онъ получалъ лѣкарство, но никто не заботился, правильно ли онъ имъ пользуется, не слѣдуетъ ли его перемѣнить или возобновить. Если больной поправлялся или ему становилось скучно, онъ просился „на выписку“ и его отпускали. Въ лазаретъ солдаты ходили отдохнуть, полежать и врачи рѣдко отказывали имъ въ этомъ; или же къ нимъ обращались „за слободкой“, т. е. просили по болѣзни освободить дня на два отъ занятій въ ротѣ. Серьезнаго значенія медицинѣ не придавили никакого.

Въ зимнее время служба тяжела только для молодыхъ. Они заняты цѣлый день, отрываясь отъ ученій только для ѣды и работъ, тогда какъ старослужащіе занимаютъ караулы и относятъ другія службы, отъ вечернихъ занятій они обыкновенно свободны. Лѣтомъ всѣ уравниваются въ этомъ отношеніи, молодые ходятъ въ караулъ, какъ и старые, и всѣ вмѣстѣ ходятъ на стрѣльбу и на тактическія ученья. Порядокъ дня значительно мѣняется лѣтомъ, встаютъ рано, часа въ четыре, чтобы къ шести поспѣть на стрѣльбище. Обученіе стрѣльбѣ ведется съ большой тщательностью, начальство обращаетъ на нее особенное вниманіе и офицеры очень требовательны, но злоупотребленія и взаимныя надувательства бываютъ и здѣсь. Послѣ каждаго выстрѣла махальные разсматриваютъ мишени и показываютъ результаты краснымъ или бѣлымъ флагомъ. Обыкновенно они запасаются буравомъ или гвоздемъ, и разсматривая мишени, наковыриваютъ дыръ неудачнымъ стрѣлкамъ; имъ помогаетъ писарь, тутъ же въ полѣ отмѣчающій промахи и вѣрные выстрѣлы. Ротный знаетъ это, но не преслѣдуетъ ихъ, ему же лучше, если по отчетности стрѣльба окажется успѣшной.

Въ концѣ лагернаго сбора обыкновенно бываютъ маневры, игра въ солдатики, забавная для постороннихъ и мучительная для солдатъ. Маневры имѣютъ цѣлью знакомить солдатъ съ условіями походной жизни и испытать знанія офицеровъ въ тактикѣ и стратегіи. Маневры наглядно показываютъ, что мѣткость стрѣльбы главное условіе успѣха въ бою. Одиночный огонь, повидимому, наиболѣе типичный видъ боя при современной высотѣ военной техники, не допускающей дѣйствій глубокими колоннами. Въ цѣпи солдатъ располагаетъ нѣкоторой долей самостоятельности въ выборѣ цѣлей, въ пользованіи естественными прикрытіями и всѣми вообще условіями мѣстности. Но именно это является ахиллесовой пятой русскаго солдата. Систематически пріученный повиноваться и отнюдь не разсуждать, всегда связанный приказаніемъ и страхомъ не исполнить его, безъ инициативы, невѣжественный и неразвитой, нашъ солдатъ способенъ, не задумываясь, идти въ огонь, лѣзть на проломъ, бѣжать въ аттаку, штурмовать, но безсиленъ тамъ, гдѣ требуется личная самостоятельность и сколько-нибудь инициативы. Этимъ же страдаютъ и всѣ младшіе офицеры.

Послѣ лагернаго сбора, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, часть солдатъ отпускается на вольныя работы; особымъ приказомъ назначается поденная плата, и сообразуясь съ ней, солдатъ обязанъ представить начальству всѣ заработанныя деньги; если онъ находитъ работу за плату выше назначенной, разница остается въ его пользу. Начальство возвращаетъ ему только одну треть заработка, другая треть идетъ товарищамъ, относившимъ въ это время службу; остальныя деньги поступаютъ въ артельныя суммы полка и расходуются на украшеніе церкви и ротныхъ образовъ, на чарки водки въ царскіе дни, на улучшеніе пищи въ празд-

ники и т. п. На вольныя работы солдаты идутъ охотно, потому
цѣлый мѣсяцъ они живутъ въ нормальныхъ условіяхъ трудовой жиз
избавляясь отъ ненавистной казарменной суеты, утомительной и б
плодной. Соглашаясь работать за низкую плату, они давятъ свс
конкурренціей сельскихъ и промышленныхъ рабочихъ, навлекая на се
ихъ злобу и презрѣніе и еще болѣе обостряя чувство непріязни, всег
нѣсколько присущее отношеніямъ между ними и вольными людь
Предприниматели во время стачекъ и землевладѣльцы при значите
номъ повышеніи цѣнъ на рабочія руки пользуются иногда солдата
замѣняя ими свободныхъ работниковъ. Армія, такимъ образомъ, тр
нымъ гнетомъ ложится на плечи трудящагося народа. Онъ отдае
ей лучшія свои силы и платитъ обременительные налоги на ея сод
жаніе, всякія попытки борьбы за лучшія условія жизни, за права
свободу она подавляетъ силой оружія; она оказывается къ услуга
капиталистовъ для пониженія платы работниковъ. Но какъ ни му
труютъ солдата, какъ ни усиливаются оборвать всѣ нити, связываю
его душу съ родной средой, въ немъ всегда остается доля человѣч
каго. Попадая въ знакомую обстановку, онъ быстро освѣжается с
казарменной отравы и проникается интересами свободныхъ люд
Командующій войсками Петербургскаго военнаго округа изъ опасе
передъ вліяніемъ, какое можетъ оказать на солдатъ революціонн
пролетаріатъ столицы, уже запретилъ отпускать ихъ на вольныя работ
Но и въ этомъ случаѣ правительство преувеличиваетъ, конечно, св
собственные страхи. Не за короткое время случайнаго соприкоснове
солдатъ съ рабочей средой мы можемъ повліять на настроеніе арм
Это дѣло долгой и систематической пропаганды въ самой казармѣ
еще больше среди тѣхъ трудящихся классовъ, изъ молодежи которы
рекрутируется наша армія. Каждый нашъ шагъ впередъ на этомъ пу
будетъ отражаться и въ казармѣ, пока не настанетъ день, когда арм
рука объ руку съ возставшимъ народомъ, разобьетъ цѣпи его вѣков
неволи и навсегда освободитъ нашу родину отъ позорнаго ярма сам
державія.